

СЛАВЯНСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ В ЛИРИКЕ АНДРЕЯ ШИРЯЕВА

Постановка проблемы мотивирована тремя факторами. 1) интересом современно-го литературоведения к изучению поэзии XXI века. 2) вниманием филологической мысли к осмыслению доминант славянской культуры и их влияния как на классику, так и на становление литературной ситуации на данном этапе. 3) важностью рецепции диалога между различными славянскими и европейскими традициями.

Целью исследования стало изучение поэтической идентичности современного поэта Андрея Ширяева в широком культурном контексте, базирующемся на славянских и европейских традициях в их взаимодействии. Представлен поливалентный анализ стихотворения «Ты начинаешься из темноты...». Выявлены различные интертексты, мифологемы, культурные и авторские коды. Прослежены процессы семиотизации страстей авторским сознанием поэта.

Ключевые слова: контекст; интертекст; семиотизация страстей; культурные коды; авторское сознание; А. Ширяев.

Актуальность избранной проблемы обусловлена интересом сегодняшнего литературоведения к осмыслению своеобразия лирики, открывающей XXI век. Взгляд на новые персоналии русской и мировой поэзии способствует разностороннему применению научных поисков современной аналитики.

Изученность вопроса. Наследие Андрея Ширяева относится к значимым и самобытным литературным явлениям. Произведения поэта, будучи до сих пор малоизученными, несомненно, открывают широкий потенциал для применения различных интерпретационных техник. Одним из адекватных материалу подходов можно расценивать осмысление своеобразия лирики А. Ширяева в плане выявления культурных и интертекстуальных пластов во взаимодействии с авторскими кодами поэта.

Цель данной статьи – восстановление широкого культурного контекста как славянского, так и европейского, для понимания полифоничности авторского сознания А. Ширяева, на примере одного из приоритетных для анализа произведений поэта.

Стихотворение А. Ширяева «Ты начинаешься из темноты...» при первом прочтении можно принять за лирическое послание с соответствующими адресацией и эротическими кодами. Но образная система данного ширяевского поэтического текста способствует выявлению аллюзивных слоев, соотносимых с различными авторскими и культурными мифологемами, и создающих лирико-полифоническое единство.

*Ты начинаешься из темноты,
из белого, из шелеста и свиста –
так многие приходят в мир, но ты
от быстрых нот и быстрой крови Листа*

*над клавишами вызревших полей
глядяшь, как будто ищешь оправданья;*

*иди ко мне, иди и уцелей
в потоке восходящего дыханья,*

*в полёте мимо храмов и мостов,
где, как в кино – замедленно и узко –
взмывает в перекрестиях крестов
девятый вал Андреевского спуска*

*и падает. И не попросишь лучшей
судьбы, и город ляжет на ладонь,
мы снова вместе – глина и огонь –
коснись меня, смотри со мной и слушай:*

*седой сверчок, молящийся тайком
светилу, закипевшему в зените,
поёт – и то ли ноты, то ли нити
вытягивает тёмным тенорком... [9]*

Характерно обращение к возлюбленной, единение с которой оборачивается познанием ее духовной и телесной природы равным приобщению к постижению основ мира. Женский образ получает ряд смысловых оттенков, которые при каждой новой идентификации, усложняясь, наделяют адресата архетипическими чертами.

При обширнейшей традиции любовно-эротической лирики образная система начала стихотворения А. Ширяева, очерчивая тип отношений, способствует возникновению ассоциации с бодлеровским лирическим посланием «Спрячь когти, кошечка; сюда ко мне на грудь...». Намеки на пассионарную, двойственную и в то же время демоническую природу героини подкрепляют значимость вышеуказанного интертекста.

У Ш. Бодлера та, кого призывал поэт, идентифицировалась и с кошкой, и с его реальной подругой, предстающей в поэтическом мире «соблазнительни-

цей, совратительницей, оцущающей в себе «живущего зверя» [6]. Так героиня бодлеровской лирики в двойственности своеобразного оборотничества обрела демонические черты. В поэтическом тексте А. Ширяева при уподобленности ситуаций принципиально иные акценты.

Образ возлюбленной лирического героя в ширяевском тексте оказывается, видимо, сознательно четко не выписан. Нет черт ее лирического портрета, не названа она по имени, пусть даже поэтически условному. Автором акцентировано только то, что ее женская сущность неразрывно связана с определенным звуковым рисунком, диапазон которого дан в начале текста:

*Ты начинаешься из темноты,
из белого, из шелеста и свиста –
так многие приходят в мир, но ты
от быстрых нот и быстрой крови Листа...*

Ширяевская героиня изначально идентифицируется с помощью ряда намеков с демоницей, но по ходу развития лирического сюжета приписываемая ей инфернализация, в определенном смысле, если не опровергается, то явно меняет свой привычный статус.

Доминантами природы адресата выступают следующие характеристики: *темнота, шелест и свист*. Показательно, что свист согласно славянским представлениям «входит в совокупность «неправильных», «нечистивых» действий, составляющих левую часть оппозиций языческий – христианский, грешный – праведный» [2, с. 295]. Более того, «свист в простонародье назывался «подражанием чертям»» [2, с. 295]. Но при явной взаимосвязи резких звуков, в частности свиста, со славянскими представлениями о вторжении в человеческий мир нечистой силы, акцентирование эмоциональной важности, даже интимности, случайных ночных звуков, может иметь и предсказательные функции.

Славянские поверия сохранили память о ритуале гадания по звукам. По наблюдению Л. Виноградовой, «в тех случаях, когда партнер по коммуникации не осмыслился столь явным образом как принадлежащий к ряду персонажей нечистой силы, все равно любые звуки (голоса животных, шумы, звон) воспринимались как особый «язык» потустороннего проречателя, посылающего свое сообщение на запрос гадающего» [1, с. 313]. Характерно, что гадание также этимологически сохраняет ряд языческих коннотаций. Для А. Ширяева, вероятно, важна не только демоническая составляющая женского образа, но и акцентирование ее экзатичности, что подразумевает страстность и связь с язычеством.

В ширяевском тексте происходит взаимодействие и переосмысление различных европейских традиций – от Античности до модернистских исканий, с не менее разнообразным и подчас скрытым и неожиданным славянским контекстом. Объединяющими звеньями европейских и славянских кодов в лирическом послании А. Ширяева выступают взаимосвязанные процессы семиотизации страстей и звуков.

В данном плане характерно замечание Т. Цивьян, что человек «не безразличен к звукам мира: осваивая его и осваиваясь в нем, он производит семиотизацию

звукового пейзажа, т. е. отбор и содержательную интерпретацию природных звуков. На этом, как известно, основан целый класс гаданий, предсказаний, примет, ср. античные оракулы: Зевсов гром, журчание ручья и шелест священного дуба в Додоне, жужжание пчел и т. д.» [7, с. 24]. Опираясь на мысль Т. Цивьян, можно предположить следующее. Подобная семиотизация звукового пейзажа или же портрета, в случае, когда звуки связываются с определенными персоналиями, отражает не только культурные или этнические реалии, но и эксплицируют глубоко личные эмоции и страсти интерпретатора.

Для цитируемого стихотворения А. Ширяева вообще показательно, что именно звуки маркируют своего рода семиотизацию страстей, причем страстей потаенных, реализующихся в ночном то ли бдении, то ли состоянии экстаза. Но основной источник страсти, возможности внутреннего погружения и обусловленной этим инспирации, именно чувство, испытываемое лирическим героем. Страсть единения оборачивается зарождением сокровенного, будь оно проявлено в эротическом плане, как самоуглубление или же озарение.

Восстанавливая античные коды анализируемого текста, следует вспомнить, что А. Ширяев не раз обращался к Древнеримской культуре и даже мистифицировал перевод с латыни стихов вымышленного им Марка Корнелия Эхиона. Несомненно, в творчестве современного поэта античные коды и их разнообразные парафразы занимают важное место. Знание античных примет и их предсказательный потенциал позволяет развернуть А. Ширяеву метафору сотворения музы-возлюбленной из обыденных и даже неприятных звуков. Этот аспект открывает не только путь для демонизации женского образа, но и возможность для автора более глубокой укорененности в Античности.

Если искать античный след, то во многом переживания лирического героя от встречи окажутся парадоксально близкими с действием голоса сирен на услышавших их моряков.

Современный немецкий философ П. Слотердайт, осмысляя в одной из глав своей книги загадочную природу сирен, отмечает, «голоса сирен порождают звуковой вихрь, застающий врасплох и обезоруживающий <...> бороться с такими чарующими звуками, еще не удавалось никому» [5, с. 500]. При этом П. Слотердайт подчеркивает, что голоса сирен нельзя назвать мелодично-очаровывающими и если их звучание реконструировать, то они будут пронзительными, резкими и даже неприятными. С точки зрения немецкого философа эффект сирен осуществляется именно «посредством своего рода отталкивающей неумолимости, она до изнеможения преследовала слушателя – магически-сверхартикулированная, мучительно ритмичная и неослабно-настойчивая...» [5, с. 511]. Но при губительности и даже удивительной завораживающей мучительности голосов сирен, слышать их «означает слышать самого себя» [5, с. 515]. Соблазн, исходящий от сирен, заключается в их посредничестве между миром живых и теней, а их песнь оказывает гипнотическое влияние из-за того, что да-

руют «ощущение наступления момента полной само-реализации...» [5, с. 516], которое может быть достигнуто лишь по завершении земного бытия. Воображаемая демоничность возлюбленной наравне с ее музыкальной ипостасью в ширяевском стихотворении позволяет выявить в ее образе нечто подобное тому, что П. Слотердаик обозначает как эффект сирен.

Совмещение славянской и античной трактовок семиотики резких звуков и их профетический потенциал, интерпретируются А. Ширяевым как зарождение страсти, визиизации, вдохновения.

Надо полагать, что для А. Ширяева уподобление звуков, порождающих образ подруги, голосам сирен и их роковой, завораживающей силе становится одним из путей акцентирования темы музыкальности и вместе с тем семиотизации страстей. Трансформация античных представлений, видимо, для А. Ширяева – возможность самопознания и наделения в игровом ключе своего поэтического слова профетической и перформативной функциями.

Дальнейшее уточнение *«так многие приходят в этот мир»* способствует модификации читательских ожиданий и природа возлюбленной начинает соотноситься с зарождающейся идеей, или же музой, что подтверждают строки *«...но ты / от быстрых нот и быстрой крови Листа...»*. Упоминание Ф. Листа акцентирует не только авторскую интерпретацию А. Ширяевым музыкальной мифологии, но и становится одной из доминант лирического сюжета и авторской символики. Музыка Ференца Листа ассоциируется с интенсивностью лирической эмоции, отсутствием плавности и предельной виртуозностью. Своеобразие музыки Ф. Листа как композитора и его исполнительской манеры пианиста-виртуоза соответствуют метафорическому описанию женского характера в ширяевском тексте. Показательно, что созданный культурой миф о Ф. Листе фиксируется не только на уровне восприятия его музыки, но и в родовом аспекте (*«от <...> быстрой крови Листа»*). Так музыкальная ипостась расширяется до знака не только наследуемой страсти, но и судьбоносной, генетической преддрешенности.

Если изначально ночные звуки подчеркивают вымороченность своего рода анимы лирического героя, то отождествление ее природы с нотами и кровью Ф. Листа преображает ситуацию. Музыка Ф. Листа задает тему воспарения *«над клавишами вырвавшихся полей»*, с локусом которых неразрывно связана персоналия-адресат лирического послания. Тема полей задает указание на Элизиум, с благословенностью которого демоническая подруга связана в большей степени, чем с кажущейся бесовской ипостасью. Такой поворот определяет своеобразное очищение от изначальной inferнальной роли: *«глядишь, как будто ищешь оправдания»*, позволяя разрушить стереотипность ожиданий и акцентировать тему не разрушительной роковой страсти, а реализации тайно и неистово желанного, запредельного.

Отсылка к топосу античных Елисейских полей вносит в подтекст стихотворения обыгрывание мифа об Орфее и Эвридики. По поэтической логике А. Ширяева принадлежность после смерти Эвридики

иному миру и утрата ее Орфеем, могут быть в отличие от древнегреческого мифа преодолены именно Музыкой.

Познание возлюбленной и как женщины, и как личности, оборачивается осознанием собственной сущности, растворенной в мире, и концентрируемой не только в ряде музыкальных ипостасей, но и в созерцании города. Для поэтического мира А. Ширяева характерно следование антично-библейской традиции при обыгрывании мифологемы женщины-города. Но в данном стихотворении город и женский образ не объединяются. Важнее тема совместного полета, порождающего ряд ассоциаций, актуализирующих как демонический план, так и возвышенный. Если полет расценивать как проявление ведьмовского начала в героине и ее колдовской власти над поэтом, то тему совместного парения над городом можно интерпретировать как принципиальную лиризации соответствующей сцены из гоголевского *«Вия»*. Тема любви, наделяющей возможностью летать, также в качестве протосюжета отсылает к мифу об Амуре и Психеи. Примечательно, что в изобразительной традиции оба супруга крылаты. Более того, полет-греза влюбленных может иметь и более конкретное экфрасическое наполнение, обыгрывая сюжет и символику картины М. Шагала *«Над городом»* (1914–1918).

При этом упоминаемая в стихотворении топонимика задает ряд авторских кодов, которые можно конкретизировать как: 1) обращение к особой онерической кинореальности; 2) своеобразную модель культурного ландшафта; 3) фиксацию топоса, который позволяет точно восстановить черты города, возникающего в грёзе лирического героя.

Упоминание Андреевского спуска локализует образ города и соответствующую киевскую топонимику. Такой поворот развития лирического сюжета в определенной степени неожидан. Киев не родной город А. Ширяева, родившегося в Казахстане. Не связан поэт, окончивший Московский Литературный институт имени А. М. Горького и бывший член Союза писателей Москвы, с украинской столицей и студенческими воспоминаниями. Более того, местом его иммиграции становится латиноамериканский Эквадор. Так почему же А. Ширяев в своем стихотворении явно обыгрывает киевские реалии: *«в полёте мимо храмов и мостов / где, как в кино – замедленно и узко / вздымает в перекрестиях крестов / Девятый вал Андреевского спуска?»*

Ответ, возможно, кроется в «семиотической карте» Киева. И. И. Сверида утверждает, что «маркируя конкретную локализацию культурных явлений» [4, с. 36] определенными кодами неизменно фиксируется значимость «взаимосвязи исторических и культурных процессов с самим природным пространством, присущими ему ареальными и региональными особенностями» [4, с. 36]. С одной стороны, в топониме Андреевский спуск обыгрывается имя поэта – Андрей, что, несомненно, для А. Ширяева оказывается знаком глубоко личного. Также возможно, именно тема полета с полудемонической возлюбленной и способствует выбору данного локуса. Как известно в Киеве на Андреевском спуске находится мемориальный музей

М. Булгакова. Такое истолкование позволяет активизировать булгаковские ассоциативные пласты в подтексте поэтического текста А. Ширяева. Упоминание Андреевского спуска – места «храмов и мостов», обыгрывает как тему святости, так и пограничности – соединения и перехода между мирами, позволяет вступить поэту в творческий диалог с наследием М. Булгакова, биографическими фактами и созданным писателем мифом. Более того, тот факт, что родной дом М. Булгакова находится по адресу, обыгрывающему имя Андрей, видимо, становится для А. Ширяева – поэта и писателя фантаста, своеобразным знаком преемственности. Демоничность образа возлюбленной в ширяевском стихотворении, сближается с ипостасью булгаковской Маргариты, а лирический герой в игровом ключе уравнивается Мастеру.

А. Ширяева также объединяет с ментальными стратегиями М. Булгакова и стремление воссоздать образ Города. При этом в стихотворении булгаковские пласты не становятся доминирующими, а влетаясь в создаваемую А. Ширяевым визию, оттесняются эротическими кодами любовного послания. Полет завершается прикосновением, слиянием («мы снова вместе – глина и огонь...») и обретением особого слуха.

Полет-греза по поэтической логике А. Ширяева ассоциируется с движением кинокадров («как в кино – замедленно и узко»), символизируя, как и шагаловский сюжет, воплощение наяву иного, фантазийного и почти ирреального бытия.

Столь же преображенным и значимым представляется и образ сверчка – певца и музыканта, который выводит «ноты-нити», связывающие основы мироздания, словно воссоздавая мир из ночи, подобно тому, как в античной мифологии космос рождается из хаоса. Образ сверчка отсылает к теме домашнего очага и уюта. В энциклопедии символов отмечается, что сверчок помимо уже указанных традиционных значений «символизирует лето, храбрость (устраивались даже бои между сверчками), а также возрождение...» [3, с. 799]. В ширяевском поэтическом тексте образ сверчка актуализирует ряд интертекстуальных отсылок, обыгрывающих тему: от диккенсовского «Сверчка за печкой» до колодиевской истории Пинокио, где именно сверчок должен стать персонафикацией совести героя.

В этой ипостаси сверчок сближается с ломоносовским кузнечиком:

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,

<...>

Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,

Но в самой истине ты перед нами царь;

Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!

Так сверчок не только становится ширяевским «зеркалом» – своего рода парафразами ломоносовского кузнечика-ангела, но и обретает античную ипостась. Музыкальный контекст в свою очередь наделяет

сверчка профетической и космогонической функциями. Нити же вызывают устойчивую ассоциацию с Мойрами, прядущими нить судьбы.

Кроме того, для античной культуры были характерны животные-дублиеты богов или же героев. По замечанию Г. Шегуловой, «...образ птицы следовало бы рассматривать как *зооморфный дублет героя* (вспомним сову Афины, орла Зевса и т. п.)» [8, с. 60]. Сверчок в ширяевском тексте может также выступать не только как источник ночных звуков, обретающих музыкальные и космические ипостаси, но рассматриваться как зооморфное альтер эго лирического героя.

Ассоциативный ряд расширяет смысл известной поговорки «всяк сверчок знай свой шесток». Ведь именно сверчок в ширяевском стихотворении восстанавливает «тёмным тенорком» основы мира, делая его гармоничным и преображенным музыкой, подобно решению темы в «Волшебной флейте» В. Моцарта.

Для ширяевского поэтического текста характерна тематическая музыкальность, именно ноты способны не только одухотворить личный мир поэта, но и даровать ему особую судьбу.

Музыкой оборачиваются случайные ночные звуки: шелест и свист, из которых является возлюбленная. В то же время от «нот Листа», видимо, в данном контексте выступающих в качестве эмблемы страстности, зарождается образ музы лирического героя, слияние с которой оборачивается ночным полетом над городом. Именно музыкальный контекст связывается с возможностью обретения смысла, поэтического вдохновения, любви, воспарения.

Т. Цивьян замечает, что человек «живет в окружении звука, и оппозиция *звук/беззвучие*, в пространственном коде соответствует оппозиции *движение/неподвижность*, является одним из выражений оппозиции *жизнь/смерть*» [7, с. 24]. Ширяевский лирический герой в своем полете с возлюбленной над городом балансирует между жизнью и смертью, обретая символическое бессмертие, которое становится наградой за умение услышать музыкальность, колдовские и одновременно космические потенции каждого звука, вплетающего в исповедь переживаемой страсти.

Взаимодействие широкого европейского и славянского контекстов позволяет А. Ширяеву осуществлять в рамках своего стихотворения семиотизацию страстей и звуков, актуализируя ряд смысловых сцеплений, порождающих утверждение единства мужского/женского, демонического/возвышенного, музыкального/космогонического и др.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане продолжения намеченной в данной статье исследовательской линии в изучении диалога славянского и европейского контекста в лирике А. Ширяева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Л. Н. Гадания по звукам / Л. Н. Виноградова // Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / [отв. ред. С. М. Толстая]. – М. : Индик, 1999. – С. 311–319.

2. Плотникова А. А. О символике свиста / А. А. Плотникова // Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / [отв. ред. С. М. Толстая]. – М. : Индрик, 1999. – С. 295–304.
3. Рошаль В. М. Сверчок / В. М. Рошаль // Энциклопедия символов / [сост. В. М. Рошаль]. – М. : АСТ; СПб. : Сова, 2008. – С. 799.
4. Свирида И. И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора / И. И. Свирида // Ландшафты культуры. Славянский мир / [отв. ред. И. И. Свирида]. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 11–42.
5. Слотердайт П. Гл. 7. Стадия сирен. О первом аудиосферическом альянсе / П. Слотердайт // Сферы. Микросферология. – Т. 1. : Пузыри. – СПб. : Наука, 2005. – С. 492–553.
6. Сподарец Н. В. К проблеме художественной концептуализации феномена человека в лирике Ш. Бодлера и А. Блока [Электронный ресурс] / Н. В. Сподарец. – Режим доступа : http://journals.uspu.ru/attachments/article/84/Vest_2012_1_1.pdf.
7. Цивьян Т. В. Музыкальные инструменты как источник мифологической реконструкции / Т. В. Цивьян // Язык : тема и вариации : избранное : в 2 кн. – Кн. 2. : Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. – М. : Наука, 2008. – С. 24–38.
8. Шегулова Г. Н. Женщина-птица: к семантике образа в драме И. Анненского «Фамара-кифарэд» / Г. Н. Шегулова // Бес-тиарий в словесности и в изобразительном искусстве [сб. статей]. – М. : Intrada, 2012. – С. 60–66.
9. Ширяев А. Мастер зеркал – поэзия и проза [Электронный ресурс] / А. Ширяев. – Режим доступа : <http://www.shiryayev.com/>.

С. О. Фокіна,

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, м. Одеса, Україна

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ТА ЄВРОПЕЙСЬКИЙ КОНТЕКСТ В ЛІРИЦІ АНДРІЯ ШІР'ЯЄВА

Постановка проблеми мотивована трьома чинниками. 1. Інтересом сучасного літературознавства до вивчення поезії XXI століття. 2. Увагою філологічної думки до осмислення домінант слов'янської культури та їх впливу на класику й на становлення літературної ситуації на етапі сьогодення. 3. Важливістю реценції діалогу між різними слов'янськими та європейськими традиціями.

Метою дослідження стало вивчення поетичної ідентичності сучасного поета Андрія Шир'яєва в широкому культурному контексті, що базується на слов'янських та європейських традиціях в їх взаємодії. У статті представлений полівалентний аналіз вірша А. Шир'яєва «Ти починаєшся з темряви». Виявлені різні інтертексти, міфологеми, культурні та авторські коди. Простежені процеси семиотизації пристрастей авторською свідомістю поета.

Ключові слова: контекст; інтертекст; семиотизація пристрастей; культурні коди; авторська свідомість; музичність; А. Шир'яєв.

S. Fokina,

Odessa I. I. Mechnikov National University, Odessa, Ukraine.

SLAVIC AND EUROPEAN CONTEXT IN ANDREY SHIRYAEV'S LYRICS

In article research search is directed on the detection of dominants of Slavic and European cultures in their interference and influence on poetic identity of the modern poet Andrey Shiryayev.

Relevance of the chosen problem is caused by interest of today's literary science in the comprehension of originality of 21st century lyric poetry. The point of view to new personnel of the Russian and world poetry promotes versatile application of scientific searches of modern analytics.

Specifying the research question. Andrey Shiryayev's heritage belongs to the significant and original literary phenomena. Works of the poet are studied still not enough, but undoubtedly open the wide potential for application of different analysis methods and interpretation techniques.

One of approaches adequate to material is the analysis of indicators of an originality of lyric poetry by A. Shiryayev in respect of identification of cultural and intertextual layers in interaction with author's codes of the poet.

The purpose of this article is restoration of a wide cultural context, both Slavic and European, for understanding of polyphony of Shiryayev's authorial consciousness on the example of one of priority for an analysis works of poet.

In the article is submitted the polyvalent analysis of the poem by A. Shiryayev «You Begin from Darkness...». In the course of research have been revealed intertextuality, mythemes, cultural and author's codes in semantic structure of the poem. Scientific search has allowed to track processes of a semiotization of passions author's consciousness of the poet taking into account interaction of wide European and Slavic contexts.

Key words: context; intertextuality; semiotization of passions; cultural codes; author's consciousness; musicality; A. Shiryayev.